

АМЕРИКАНСКАЯ ТЕМА В НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ М. М. КОВАЛЕВСКОГО

А. С. Соколов

Вторая половина 70-х — начало 80-х годов XIX в. в истории русско-американских отношений отмечены заметно возросшим общением между народами обеих стран. «Именно в это время увеличилось число русских, побывавших в заокеанской республике ... русские ученые стали чаще посещать своих коллег за океаном...»¹ Одним из них был Максим Максимович Ковалевский, оставивший после первой поездки в Америку в 1882 г.² ряд обстоятельных научных трудов, заслуживающих внимания историков³.

Ученый с мировым именем⁴, историк, юрист, социолог и этнограф, профессор Московского и С.-Петербургского университетов, чрезвычайно популярный в среде студенческой молодежи⁵,

¹ Куропятник Г. П. Русские в Америке: общественные, культурные, научные контакты в 1870-х годах // Новая и новейшая история. 1981. № 4. С. 143; см. также: Он же. Россия и США: экономические, культурные и дипломатические связи, 1867—1881. М., 1981.

² Вторую поездку в США М. М. Ковалевский совершил в 1901 г., приглашенный Чикагским университетом прочитать цикл лекций по истории государственных учреждений России. См.: Материалы для биографического словаря действительных членов Академии наук. Пг., 1917. Ч. 2. С. 314; Ковалевский М. М. Поездка в Америку // Рус. ведомости. 1901. № 171—280.

³ См. об этом: Болховитинов Н. Н. Изучение русско-американских отношений: некоторые итоги и перспективы // Новая и новейшая история. 1981. № 6. С. 66; Новая и новейшая история. 1982. № 1. С. 219; История США: В 4 т. М., 1983—1987. Т. 1. С. 651. Между тем эта сторона научной деятельности М. М. Ковалевского не нашла отражения ни в советской, ни в зарубежной историографии. Следует лишь отметить, что в 1951 г. в журнале «The Russian Review» были опубликованы без каких-либо комментариев к ним выдержки из неопубликованных мемуаров М. М. Ковалевского, касающиеся двух его поездок в США. См.: Kovalevsky M. M. American Impressions // Russian Review. 1951. Vol. 10, N 1—3. См. также: Шевырин В. М. Воспоминания М. М. Ковалевского // История СССР. 1969. № 4; Соколов А. С. Русские в Америке в конце XIX века (1881—1900): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. С. 137—172.

⁴ «...К его авторитетному слову прислушивались и Старый, и Новый Свет», — писал один из соратников Ковалевского, И. Н. Бороздин (см.: Государственный исторический музей, Отдел письменных источников, ф. 104, д. 24, л. 46). О высокой оценке иностранными учеными научной деятельности М. М. Ковалевского см. также: Юрид. вестн. 1892. Т. 10, кн. 3. С. 413.

⁵ По воспоминаниям современников, во время чтения им лекций «ни одна из аудиторий Московского университета не вмещала всех его слушателей, и ему приходилось читать в Актовом зале» (М. М. Ковалевский — ученый, государственный и общественный деятель и гражданин: Сб. ст. Пг., 1917. С. 19).

действительный член (с 1914 г.) Петербургской Академии наук, являясь одним из идейных вождей русской либеральной интеллигенции конца XIX — начала XX в., «политическая деятельность (которого.— А. С.) иногда не укладывалась в рамки обычного поведения русских либералов. Можно, пожалуй, сказать, что М. М. Ковалевский, оставаясь либералом, стоял в либеральном течении как-то особняком»⁶.

Поддерживавший связи со многими выдающимися людьми своего времени, лично знавший К. Маркса и Ф. Энгельса⁷, М. М. Ковалевский позже писал: «На расстоянии двадцати пяти лет я продолжаю сохранять о нем (Марксе.— А. С.) благодарную память как о дорогом учителе, общение с которым определило до некоторой степени направление моей научной деятельности... В его лице я имел счастье встретиться с одним из тех умственных и нравственных вождей человечества, которые по праву могут считаться его великими типами...»⁸

М. М. Ковалевский родился в 1851 г. в семье преуспевающего харьковского помещика. Блестяще, со степенью кандидата прав, окончив в 1872 г. юридический факультет Харьковского университета, он продолжил свое образование в Германии, Франции и Англии, одновременно собирая материалы по истории государственного права и общинного землевладения европейских держав. Вернувшись в Россию, в 1877 г. выдержал магистерский экзамен при Московском университете и был приглашен преподавателем на его юридический факультет. Защитив в 1878 г. на основе собранных за рубежом материалов магистерскую, а в 1880 г. докторскую диссертации, М. М. Ковалевский на два года уезжает в заграничную командировку; проводит часть времени в Италии и Испании, работая в библиотеках и архивах, а затем, весной 1882 г., предпринимает путешествие в Америку⁹.

Трехмесячное¹⁰ пребывание в Соединенных Штатах было весьма плодотворным для научной деятельности молодого ученого.

⁶ Шейнин В. М. Указ. соч. С. 60.

⁷ См.: Ковалевский М. М. Мое научное и литературное скитальчество // Рус. мысль, 1895. № 1. С. 61, 71, 73. В мемуарах, написанных в 1914 г. М. М. Ковалевский замечал: «В числе знакомств, заведенных мною в Лондоне, ни одно не оставило во мне более благодарной памяти, чем знакомство с гостеприимной семьей К. Маркса и с его другом Энгельсом» (Ковалевский М. М. Моя жизнь // Архив АН СССР, г. Москва, ф. 603, оп. 1, д. 126, л. 216 (Рукопись). См. также: Луппол И. К. Из переписки К. Маркса с М. М. Ковалевским // Летописи марксизма. М., 1928. Т. 6; Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969. С. 59; Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе: В 2 т. М., 1983. Т. 1. С. 22—43.

⁸ Ковалевский М. М. Две жизни // Вестн. Европы. 1909. № 7. С. 22.
⁹ См.: Материалы для биографического словаря... Ч. 2. С. 312. Об этом см. также письма М. М. Ковалевского В. Ф. Миллеру // Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, ф. 323, оп. 1, д. 221, л. 20—21 об.; л. 28—33 об.

¹⁰ См.: Ковалевский М. М. История американской конституции. [М., 1890] С. 3.

Обратившись к жизни и опыту общественного устройства американской республики, М. М. Ковалевский на основе личных наблюдений, работы в библиотеках и архивах США, контактов с американскими учеными и общественными деятелями, глубокого изучения истории страны по возвращении в Россию пишет серию статей, посвященных различным аспектам государственно-политической, общественной и экономической жизни США, которые публикуются в русской периодической печати. Некоторые из этих статей позднее вошли в его книгу, посвященную истории федеральной конституции¹¹. Кроме того, для студентов Московского университета был разработан и читался специальный курс по истории американских местных учреждений, дававший высокую оценку их демократическому характеру¹².

Во время путешествия по Америке на протяжении месяца со дня приезда М. М. Ковалевский вел дневник, в котором отразились его впечатления от увиденного за океаном¹³. Эти путевые записки носят довольно беглый, фрагментарный характер. Несколько десятилетий спустя М. М. Ковалевский, вспоминая о первой поездке в США, писал: «Во время моих странствий я пробовал вести дневник, но впечатлений было так много, а времени так мало, что я не успевал отмечать даже повседневного хода моей жизни. Да и впечатления долгое время были изменчивы и стали складываться в определенные рамки только на расстоянии нескольких месяцев»¹⁴.

К рассмотрению этих записок мы и обратимся.

Архитектура американских городов — первое, что, как правило, бросается в глаза иностранцу, знакомящемуся с этой страной, — не произвела на М. М. Ковалевского впечатление оригинальности. Нью-Йорк, отмечал он в день прибытия, напоминает английский способ застройки; шести- и семипэтажные дома следуют один за другим, отличаясь от английских — так же, как улицы и площади, — большим простором и вместительностью¹⁵. «Из поездки в Бруклин, — пишет Ковалевский несколькими днями позже, — я не вынес другого впечатления, кроме того, что все американские города построены на один и тот же английский лад и что все парки в Америке похожи на английский Гайд-парк» (л. 11—11 об.). Бостон, Филадельфия, Вашингтон, Ричмонд, другие города, которые в дальнейшем посетил русский ученый, в отношении своего внешнего облика укрепили это мнение (л. 19).

¹¹ Там же.

¹² См.: М. М. Ковалевский — ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. С. 19; см. также: Ковалевский М. М. Мое научное и литературное скитальчество. С. 78; Он же. История американских учредителей: Литограф. лекции. СПб., [1908]. С. 8; и др.

¹³ Дневник этот — записная книжка карманного формата — находится в ЛО Архива АН СССР.

¹⁴ Ковалевский М. М. Моя жизнь, л. 335.

¹⁵ См.: Дневник М. М. Ковалевского // ЛО Архива АН СССР, ф. 103, оп. 1, д. 247, л. 1—1 об. В дальнейшем ссылки на дневник даются в тексте с указанием номера листов.

Большое внимание М. М. Ковалевский уделил постановке и формам народного образования в США, принципы и организация которого вызвали растущий интерес у русской общественности. Обусловлено это было тем обстоятельством, что в последней четверти XIX в. в России особенно остро встал вопрос о всеобщем обязательном начальном обучении. На борьбу за законодательное введение его поднялись лучшие представители российской интеллигенции. «Все эти дни,— записывал М. М. Ковалевский после приезда в Америку,— был занят изучением школьного дела в Нью-Йорке... Преподавание почти всецело в руках женщин... После трех- или четырехлетнего пребывания в первоначальной школе — смотря по дарованию и трудолюбию — дети поступают в так называемую „grammar school“... Я присутствовал на экзаменах (в этой школе.— А. С.), проходящих ежегодно и даже несколько раз в году... Дети свободно решали задачи... На экзамене по живописи я поражен был успехами детей в рисунке с предметов. Поставленные ученикам, вероятно в мою честь, вопросы о Кронштадте и Москве показали мне, что и в географии они могут поспорить в знании по меньшей мере с испанскими журналстами, которые спрашивали меня, не лежит ли Москва на берегу моря, и считали русских народом семитического племени. Из религии никакого экзамена не было,— добавляет Ковалевский,— так как религиозное преподавание предоставлено семье, и учитель или учительница только изучают с детьми отрывки из Евангелия и Библии» (л. 11 об.— 15).

После трехлетнего обучения в подобных школах, выдержав пробное испытание, юноши поступают в один из колледжей, которые делятся на технические и гуманитарные, отмечал далее М. М. Ковалевский, особо подчеркивая узкую специализацию этой ступени обучения. Эти колледжи нельзя сравнивать с нашими гимназиями,— констатировал он,— так как здесь, в колледжах, изучаемый ряд дисциплин гораздо сложнее и целенаправленней, чем у нас» (л. 15). В гуманитарных колледжах студентам предоставлена большая самостоятельность, здесь «лекций почти вовсе нет». Государственное право, например, читается студентам раз в полгода. Среди изучаемых дисциплин — политическая экономия, история, литература, философия (л. 22 об.— 23). «От профессора Александра, занимающего кафедру философии в Колумбийском колледже, я узнал,— помечается в дневнике,— что господствующие в Америке философские школы в данное время — неокантианство и философия позитивизма Г. Спенсера» (л. 8 об.). Касаясь интереса американцев к философии, М. М. Ковалевский приводит слова профессора Александра, который жаловался ему «на равнодушие американцев к чисто спекулятивным (т. е. теоретическим, умозрительным.— А. С.) наукам и на малый поэтому успех преподавания философии» (л. 9). «Из собственного опыта я знаю,— писал далее М. М. Ковалевский,— что в преподавании господствует (в Америке.— А. С.) характер практический» (л. 21).

Позже, уже в России, М. М. Ковалевский так объяснял господство прагматизма в американской духовной и материальной жизни: «Независимое от религии метафизическое решение основных вопросов жизни и духа,— говорил он,— недоступно большинству (американцев.— А. С.) благодаря тому обстоятельству, что при широком распространении грамотности и нередко среднем образовании высшее почти не встречается. Профессора философии повсеместно жаловались мне на индифферентизм американского общества в этом деле. Раз отвлеченное мышление выходит из сферы религиозных вопросов, оно вправе рассчитывать на интерес и поддержку лишь весьма небольшого круга читателей. Жителю новой страны, в которой и десятая доля натуральных богатств еще не утилизована, недостает досуга для кабинетной работы. На каждом шагу жизнь ставит им неотвязчивые практические вопросы, на решение которых и уходят лучшие силы. Неудивительно поэтому, что ни в одной стране не делается больше практических приспособлений науки к технике, как в Америке, и не встречается меньше научных открытий, нигде элементарные сведения из сферы точных наук не распространены больше в массах и не имеется так мало попыток обобщения положительного знания. Наука, и в особенности философия,— продукты вполне зрелой цивилизации, а американскую далеко еще нельзя считать таковой»,— заключал М. М. Ковалевский¹⁶.

Это наблюдение подтверждают и слова известного в конце XIX — начале XX в. русского экономиста и правоведа профессора Московского университета И. Х. Озерова, который по этому поводу писал в одной из статей: «В Соединенных Штатах не пользуются большими симпатиями историки, археологи, им некогда этому уделять внимание: когда человек сильно работает, ему некогда копаться в своем прошлом, ему нужно уловить содержание настоящего, осмыслить это настоящее, чтобы вложить в него свое собственное творчество...»¹⁷

Колумбийский колледж, отмечал М. М. Ковалевский, переходя к ознакомлению с американским высшим образованием, включает в себя четыре отдельно расположенные школы — зародыши будущих факультетов медицины, юриспруденции, филологии и политики, соответствуя более нашему понятию «университет». Этот колледж, «как и большинство высших школ в Америке, не публичное, а частное учреждение» (л. 16 об.— 17). Посторонняя публика, в том числе женщины, к слушанию лекций в Колумбийском колледже не допускаются (л. 9). Желая как можно подробнее и шире познакомиться с состоянием высшего образования в США, М. М. Ковалевский посещает ряд университетов, в том числе старейший из высших образовательных заведений в Америке — Гарвардский. «Гарвардский университет имеет богатую библиотеку, в которой чуть не самая полная из существую-

¹⁶ Ковалевский М. М. Национальный характер североамериканцев // Рус. ведомости. 1883. № 71. С. 2.

¹⁷ Озеров И. Х. Что делать? Сб. ст. М., 1913. С. 371.

щих в Америке коллекция по американской этнографии». И хотя здесь «нет ни одного ученого с мировым именем, подбор профессоров вполне удовлетворительный», — записывает он в дневнике (л. 19, 21—22 об.).

Интерес молодого профессора к американской системе высшего образования, переживавшей в то время период реформ и прогрессивных нововведений, призванных привести ее в соответствие с развивающимися потребностями экономической и культурной жизни США¹⁸, продиктован был в первую очередь стремлением осмыслить и перенять те ее положительные стороны, которые могли быть с успехом использованы в России. Об этом говорит хотя бы такой факт. В 1885 г. в одной из статей об Америке, касаясь научной деятельности американской высшей школы и ее роли в жизни общества, он писал:

«Не могу не указать... на ту похвальную черту американских университетов, благодаря которой эти ученые корпорации не ограничивают своей задачи преподаванием наук в стенах всегда более или менее тесных аудиторий, но и воспитывают все общество путем издания целого ряда ученых журналов, в которых самостоятельные исследования переплетаются с обстоятельной и беспристрастной критикой ... Университет, основанный в Балтиморе на частные средства Джонса Гопкинса, один выпускает ежегодно целых шесть ученых вестников. Старому Свету есть чему поучиться у Нового»¹⁹.

Собирая интересующий его материал о современной жизни и истории Соединенных Штатов, М. М. Ковалевский много времени уделял работе в американских научных библиотеках²⁰. «Все утро провел в „Astor library“ (публичной библиотеке в Нью-Йорке. — А. С.). — читаем, например, в его заметках о первом дне пребывания в стране. — Библиотека имеет 200 000 томов. Помещение просто и удобно, заказанную книгу выдают немедленно» (л. 3 об. — 4). Удалось ему поработать и в архивах исторических обществ Пенсильвании, Виргинии и Огайо²¹.

Знаток и тонкий ценитель русского и западноевропейского искусства, М. М. Ковалевский не мог не заинтересоваться состоянием художественной культуры на американской земле. Вопреки его ожиданиям, здешний уровень развития изобразительного искусства и постановка музейного дела в этой области оказались весьма далеки от совершенства. 4 мая в Нью-Йорке он записывает: «Утром я посетил Академию живописи и временную выставку американских художников. Ни там, ни здесь я не нашел ни одного поистине мастерского произведения. Бедность сюжетов,

¹⁸ См. об этом: Аскольдова С. М. Реформа высшего образования США в середине XIX в. // Американский ежегодник, 1983. М., 1983. С. 108—139; Филиппова Л. Д. Высшая школа США. М., 1981.

¹⁹ Ковалевский М. М. Местное самоуправление в Америке и его историческое развитие // Вестн. Европы. 1885. № 2. С. 794.

²⁰ Там же. С. 794—795; см. также: Kovalevsky M. M. Op. cit. P. 38—39, 42.

²¹ Ковалевский М. М. Местное самоуправление... С. 795.

почти полное отсутствие исторической живописи, преобладание жанровых картин и портретов — и рядом с этим весьма часто недостатки рисунка и бедность колорита... Что касается до Музея изящных искусств, то на меня он произвел впечатление громадного магазина старинных вещей, отнюдь не артистической коллекции... Всего более поразило меня почти совершенное отсутствие картин американских художников прошлых столетий» (л. 10—11).

Приятное впечатление произвело на М. М. Ковалевского отношение американцев к своей политической истории, к памяти выдающихся национальных деятелей революционного прошлого. На одной из последних страниц дневника 29 мая он отметил: «В Филадельфии, куда я прибыл прямо из Бостона, я впервые почувствовал нечто похожее на умиление при виде, как набожно сохраняется американцами все, напоминающее исторический момент в их жизни — (привозглашение. — А. С.) Декларации независимости... Малейшая безделушка, кольцо, пуговица Вашингтона или Франклина так же драгоценны для американца, как Мономахова шапка для русских» (л. 26 об. — 27).

Познавая Америку, русский ученый большое значение придает личным контактам, общению с людьми, близкими ему по роду деятельности, т. е. с представителями научной интеллигенции. Об этом говорят его заметки и письма американцев, присланные ему в Россию²². «Гостеприимство здешних профессоров, — отмечал М. М. Ковалевский, — все большею частью людей зажиточных, дало мне возможность проникнуть в среду американской семьи, в которой девушка очень напомнила мне русскую своей самостоятельностью, сравнительной развитостью и полным отсутствием женственности» (л. 23). Последнее, столь категоричное замечание молодого М. М. Ковалевского можно объяснить, пожалуй, отчасти субъективными свойствами характера, отчасти сравнительно узким и ограниченным кругом его американских знакомств.

М. М. Ковалевский пытался познакомиться и с жизнью простых людей Америки, в том числе тех, кто по различным причинам утратил способность добывать себе средства к существованию. «От господина Сенборна (начальник городского совета по оказанию помощи бедным. — А. С.) я узнал, — записывает он в Бостоне, — что число пауперов не превышает одного процента летом и двух зимою; большее число призреваемых бедных — ирландцы, канадцы и немцы, т. е. пришлый элемент... Из личного осмотра... я убедился в том, что население американских домов

²² Так, в дневнике (л. 6 об. — 7) М. М. Ковалевский пишет о знакомстве с молодыми профессорами Колумбийского университета Бойзенем и Александером, издателем Генри Гольтом. В ЛО Архива АН СССР находятся датированные 1882 г. письма к М. М. Ковалевскому профессора Герберта Адамса (Herbert Adams) из Балтимора и издателя из Филадельфии Джорджа Барри (George Barrie). См.: ЛО Архива АН СССР, ф. 103, оп. 2, д. 1, л. 17; см. также: Russian Review. 1951. Vol. 10, N 3. P. 181; *Николюкин А. И.* Взаимосвязи литератур России и США. М., 1987. С. 122.

признания и характер этих заведений совсем иные, чем в Англии. Большая часть мужчин — старики или больные, женщины — старухи, больные, беременные или развратные. Число рабочих часов весьма ограничено... Ежедневно отпускается мясная пища, чай, кофе, молоко, масло и свежий пшеничный и ржаной хлеб. Полевые и домашние работы производятся способными к труду нищими». Однако люди поселены нередко по двадцати и более в одной комнате, что может привести к распространению инфекционных заболеваний — почти во всех остальных неудобств такого содержания, — помнит Ковалевский (л. 25—26).

Обратившись, будучи на американском Юге, к положению негритянского населения, М. М. Ковалевский был неприятно поражен сохранившейся здесь сегрегацией черных граждан, существующей во всех сферах жизни. Направляясь в начале июня 1882 г. из Виргинии во Флориду и Луизиану, он писал в Россию своему близкому другу и соратнику В. Ф. Миллеру: «В Ричмонде я весь вошел в изучение современного положения негров. Они составляют здесь чуть не половину населения... Белые и черные отделены стеною веками сложившихся предрассудков. Белые имеют свои школы, черные свои... белые и черные больные, белые и черные помещанные и преступники размещены в особых госпиталях, тюрьмах и сумасшедших домах. Черные имеют свои пивные и свои гостиницы. Ни под каким видом уважающий себя хозяин не примет негра на ночлег в гостиницу белых...»²³.

Все эти наблюдения, впечатления и материалы, подвергнутые вскоре после возвращения из-за океана осмыслению и обработке, легли в основу статей, докладов, академических и публичных лекций русского ученого²⁴. «Личное пребывание в стране тем и ценно, что дает возможность познакомиться не с одним текстом ее законов, что легко сделать и дома, но и с ее нравами и привычками, ходячими убеждениями и предрассудками, со всем катехизисом обыденной нравственности и столь же обыденной политической мудрости...» — подчеркивал он, говоря о своей поездке в Америку²⁵.

Аграрный вопрос привлекал внимание М. М. Ковалевского на протяжении всей его научной деятельности²⁶. Проблема эта

²³ Государственный Исторический музей. Отдел письменных источников, ф. 451, д. 4, л. 107; см. также: К. М. [Ковалевский М. М.]. Мое знакомство с Кэблем: (Из недавней поездки в Америку) // Вестн. Европы. 1883. № 5. С. 313, 316—317.

²⁴ См.: Kovalovsky M. M. Op. cit. P. 182.

²⁵ Ковалевский М. М. Национальный характер североамериканцев // Русские ведомости. 1883. № 71. С. 1.

²⁶ Первая из опубликованных работ М. М. Ковалевского — «Очерк истории распада общинного землевладения в кантоне «Ваадт» (Л., 1876) — была написана им на основе документальных материалов, собранных в архивах Швейцарии. Эту тему он развил далее в труде «Общинное землевладение. Причины, ход и последствия его разложения» (М., 1879), получившем положительную оценку К. Маркса, и ряде других исследований.

была весьма актуальна для русской жизни второй половины XIX столетия. И хотя в силу ряда причин «тематика подавляющего числа наиболее оригинальных и важных произведений Ковалевского была не русской... интерес (к иностранной истории. — А. С.) порождался самой потребностью разобраться в русских делах, поскольку речь шла об аналогичных событиях или о закономерностях общего порядка»²⁷. На одну из этих причин, побуждавших его обращаться к вопросам зарубежной истории, указал впоследствии и сам М. М. Ковалевский. Отсутствие сколько-нибудь систематизированных материалов в русских центральных и местных архивах чрезвычайно затрудняло работу исследователей над проблемами истории России, писал он в воспоминаниях. «И это надо принять во внимание, — замечал он, — чтобы не осуждать огулом тех из моих сверстников, которые, подобно Янжулу или профессорам Виноградову и Карееву, подымали в своих работах вопросы об истории французского или английского крестьянства... а не работали над русским материалом»²⁸. Но, решая отечественные задачи на зарубежном материале, М. М. Ковалевский постоянно подчеркивал совпадение направления своих исследований с поисками русской общественной мысли²⁹.

Здесь же необходимо отметить, что уже в молодые годы М. М. Ковалевский, как пишет он в автобиографии, осознал то значение, «какое представляет изучение истории землевладения для понимания в разные эпохи и социальной группировки общества, и его политического уклада»³⁰. Общение с К. Марксом должно было еще более укрепить эту позицию русского ученого. Академик П. Г. Виноградов, хорошо знавший М. М. Ковалевского, говорил о нем в 1916 г.: «Максим Максимович... оставался верен общей тенденции исторического материализма, пошедшего от Маркса: в первой линии он изучает столкновения и взаимодействия экономических сил и интересов; течение идей рассматривалось им как существенный, но производный процесс»³¹.

Поэтому не случайно первая его работа из серии статей о США была посвящена анализу американского аграрного устройства³². Опираясь на местные источники, М. М. Ковалевский прослеживал историю развития земельного законодательства начиная с ранних этапов колонизации европейцами Северной Америки. Причины первоначальной массовой эмиграции из Европы в Новый Свет он видел не только в гонениях противников господствующей церкви, которые, преследуемые за свои религиозные убеждения, устремлялись за океан в поисках духовной сво-

посвященных аграрному вопросу. См.: Материалы для биографического словаря... Ч. 2. С. 312, 317–322.

²⁷ Сафронов Б. Г. М. М. Ковалевский как социолог. М., 1960. С. 27, 32.

²⁸ Ковалевский М. М. Моя жизнь, л. 139.

²⁹ См.: Сафронов Б. Г. Указ. соч. С. 36–37.

³⁰ Материалы для биографического словаря... Ч. 2. С. 315.

³¹ Виноградов П. Г. М. М. Ковалевский. Пг., 1916. С. 1165.

³² См.: Ковалевский М. М. Поземельная политика североамериканцев // Рус. мысль. 1883. № 4. Далее ссылки на статью даются в тексте.

боды. Одних этих условий, подчеркивал он, было бы недостаточно, «чтобы двинуть целые миллионы крестьянского люда, среди которого значительное число принадлежало к признанным в Европе церквям» (с. 155). Наличие здесь огромных пространств свободной земли, которой так не хватает в Европе — вот главная причина широкой эмиграции в Америку, писал М. М. Ковалевский. Примеры истории убеждают нас в том, констатировал он, что «большинство переселенцев ищет в новой родине не столько осуществления высших интересов человечества, сколько материальной обеспеченности и, в частности, той, какую дает поземельная собственность» (с. 155).

«Американская поземельная политика изменялась со временем, и то, что могло быть сказано о ней каких-нибудь пол- или три четверти века назад, нимало не применимо к последним десятилетиям», — отмечал далее М. М. Ковалевский, переходя к рассмотрению истории аграрного законодательства (с. 166). Война за независимость сделала все без исключения земельные участки неограниченной собственностью их владельцев. С этого же времени начинает формироваться государственный земельный фонд. Постепенно федеральное правительство стало владельцем всей беспредельной земли от западного склона Аллеганских гор вплоть до Тихого океана, приобретая ее частью путем уступки отдельными штатами их общественных владений, частью путем покупки федерацией новых территорий как у европейских правительств, так и у индейцев, и, наконец, путем военных захватов (с. 166).

Статус этих территорий, в том числе и порядок наделения землей частных лиц, узаконил «знаменитый ордонанс 1787 года», превративший западные земли в общегосударственную собственность и надолго определивший характер американского аграрного устройства, писал М. М. Ковалевский. «Американцы доселе гордятся им, как одним из величайших законодательных памятников, и ставят его рядом с Декларацией независимости и федеральной конституцией» (с. 170). Однако, продолжал он, закон 1787 г. нуждался в значительных дополнениях и переделках, ибо не ставил «никаких ограничений ни по отношению к размерам участков, продаваемых федеральным правительством новым поселенцам, ни к характеру лиц, в пользу которых могут иметь место такие отчуждения», благодаря чему большая часть земли попадала не к лицам, действительно в ней нуждающимся, а к разного рода спекулянтам (с. 174—175). Эти недостатки были исправлены в пользу развития мелкой свободной собственности позднейшими аграрными законами, наиболее демократичный из которых — так называемый гомстед-акт — был принят в 1862 г. (с. 175, 184).

Внимание М. М. Ковалевского к этому аспекту становления американского общества было обусловлено его стремлением найти ответ на вопрос, как наиболее рационально и безболезненно удовлетворить земельный голод российского крестьянства. Позднее

он так говорил о способе преодоления кризиса русской деревни: «Я полагаю и полагаю и по настоящий день, что для этого необходимо было бы поставить на первый план правильно организованную переселенческую кампанию, широкое разделение казенных земель, принудительный выкуп одних латифундий, ничем не стесняемую свободу самим крестьянам переходить от общинного к подворному или семейному пользованию»³³. Но, будучи противником насильственных мер, М. М. Ковалевский здесь же добавлял: «Принудительный выкуп всякого рода помещичьих земель свыше ста десятин, да еще по так называемой „справедливой оценке“, вызывал во мне такое же отрицательное отношение, как и проведенная впоследствии столыпинская система принудительного раздела мирских земель не в семейную, а в частную собственность»³⁴.

В рассматриваемой статье Максим Максимович затронул вопрос о жизнеспособности принципа общинного землепользования на американской почве. Попытки перенесения английскими эмигрантами начал общинного землевладения не привились в колониях, писал он, и этот «неуспех ... навсегда определил собою нерасположение американцев к другому виду владения, кроме индивидуального, и навсегда сделал их бессознательными противниками аграрного коммунизма» (с. 160). Обращаясь к теме американского индивидуализма в одной из публичных лекций, прочитанной в том же 1883 г., он подчеркивал, что источник его «лежит в том обстоятельстве, что Новому Свету почти неизвестны были ни общинно-родовые формы жизни, ни кланово-феодалы, из которых развился современный нам быт Европы...»³⁵.

Отдельный раздел статьи автор отвел рассмотрению политики американцев по отношению к индейскому землевладению, где в сущности, ограничился констатацией того факта, что результатом этой политики является непрерывное вытеснение индейцев с занимаемых ими земель и все более жесткое ограничение их территорий (с. 190—194). О негритянской аграрной проблеме на Юге страны М. М. Ковалевский не упоминает вовсе, хотя ранее, в 1882 г. в письме В. Ф. Миллеру замечал по этому поводу: «...Не имея средств купить землю, они (негры.— А. С.) обыкновенно поселяются в городе, зарабатывая себе на жизнь в низких должностях повара, кучера, лакея»³⁶.

Следующую статью об Америке М. М. Ковалевский посвятил исследованию исторического развития и роли органов местного самоуправления в государственно-политической системе США, вы-

³³ Ковалевский М. М. Моя жизнь, л. 410.

³⁴ Там же.

³⁵ Ковалевский М. М. Национальный характер североамериканцев // Русские ведомости. 1883. № 72. С. 1.

³⁶ Государственный Исторический музей, Отдел письменных источников, ф. 451, д. 4, л. 107—108.

завывавших его пристальный интерес³⁷. Находя, что в их истоках лежат английские конституционные и правовые традиции, основательно измененные в условиях Нового Света, он писал: «Американские местные учреждения — демократизированные английские... При всех различиях американская система местного самоуправления (округа, графства, городские советы и сельские общины. — А. С.) остается верной своим английским основам в том смысле, что сосредоточивает в руках местных жителей в ведение всею совокупностью местных интересов и оставляет их почти безусловными повелителями собственных судеб ... Никакой, даже самой просвещенной, центральной администрации недоступно в такой мере понимание местных нужд, как местным обывателям, знакомым с повседневной административной практикой; а таких обывателей не в состоянии создать ни школа, ни даже университеты... а одна лишь практическая деятельность, участие возможно большего числа местных жителей в ведении местными делами». — делал вывод М. М. Ковалевский³⁸.

Проблемы истории и практика американского самоуправления, естественно, не случайно заинтересовали русского ученого. Борьба вокруг вопроса о роли и функциях местных учреждений была важной составной частью русской общественной жизни 80-х годов XIX в., важнейшим пунктом политических программ земского либерального движения³⁹ и многих революционных групп, действовавших в тот период как в России, так и в эмиграции. О последнем свидетельствует, например, следующий факт. Газета «Свободная Россия», издававшаяся за границей группой русских революционеров-эмигрантов под редакцией В. Бурцева и В. Дебогория-Мокриевича, в своей программной статье писала в 1889 г.: «Политическая свобода — вот в двух словах программа нашего органа. Под политической свободой мы понимаем личные права и самоуправление...» «Местное самоуправление совершенно несовместимо с самодержавием», — заявляла далее газета в другой статье этого же номера⁴⁰.

Во второй половине 80-х годов правительство Александра III, ставшее на путь контрреформ, стремится ограничить и различные виды общественно-государственной автономии и самостоятельности, которые нашли свое осуществление в прошлое царствование. «В настоящем году черед подошел к земской автономии, и будущий год должен показать, как далеко зайдет здесь дело упразднения и ограничений», — писали авторы анонимной статьи в

³⁷ См., например, об этом: *Kovalevsky M. M. Op. cit. P. 181.*

³⁸ *Ковалевский М. М. Местное самоуправление... С. 819–820.*

³⁹ См. об этом, например: *Святиков С. Г. Общественное движение в России (1790–1895). Ростов н/Д. 1905; Витте С. Ю. Самодержавие и земство. СПб., 1908; Шаховской Д. И. Политические течения в русском земстве. СПб., 1914; Пирумова Н. М. Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977.*

⁴⁰ *Свободная Россия (Женева). 1889. № 1. С. 1, 26.*

«Юридическом вестнике» за 1889 г., давая оценку действиям правительства в этом аспекте⁴¹.

Следует отметить, что М. М. Ковалевский в эти годы не ограничился исследованием и пропагандой американских учреждений в указанной нами статье. 8 октября 1889 г. в Московском юридическом обществе он выступил с докладом «Происхождение и дальнейшее развитие вопросов права и местного самоуправления в Америке», особо подчеркнув значение обсуждаемого вопроса в предстоящей реформе местного самоуправления в России. Злободневность и практический интерес его доклада отметили выступившие в прениях члены общества А. М. Фальковский и В. М. Пржевальский⁴². А еще ранее, в январе 1888 г., департаментом полиции получены были сведения, что в Москве печатается новая, революционного направления газета «Самоуправление». В справке департамента полиции по делу М. М. Ковалевского об этом сообщалось, в частности, следующее: «12 апреля (1888 г.— А. С.) начальник московского охранного отделения довел до сведения департамента (полиции— А. С.), что означенная газета представляет конспект „общей части“ лекций профессора Ковалевского, вышедших в 1884—1885 гг. двумя изданиями под редакцией личного секретаря, его студента Гурвича. В доказательство ротмистр Бердяев представил выборки из лекций Ковалевского с указанием на соответственные параграфы „Самоуправления“»⁴³.

Впервые тему государственного устройства Соединенных Штатов и особенностей американской общественно-политической и социально-психологической жизни М. М. Ковалевский затронул еще в марте 1883 г. в цикле публичных лекций, прочитанных им в Москве. Текст их несколько дней спустя был опубликован в «Русских ведомостях»⁴⁴. «Меня всего менее интересовала в Америке деловая сторона жизни, так как я искал в ней ответа на вопрос о том, как сложилась американская гражданственность и создался особый психический тип американца, выяснившийся и в сфере общественных, и политических учреждений...» — писал он впоследствии в мемуарах⁴⁵.

В самом начале своих лекций М. М. Ковалевский подчеркнул, что одним из решающих факторов в формировании государственно-политического устройства любой страны является так называемый «национальный характер» ее народа. «Религия, фи-

⁴¹ М. К. [Муромцев С. А., Каблуков Н. А.] Хроника русского законодательства // Юрид. вестн. 1889. Т. 3, № 10. С. 309. См. также: С. 311.

⁴² См.: Сафронов Б. Г. Указ. соч. С. 40.

⁴³ Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР, ф. 102 (департамент полиции), 3 дел-во, 1892 г., оп. 90, д. 796, л. 4. (Далее: ЦГАОР СССР).

⁴⁴ См.: Ковалевский М. М. Национальный характер североамериканцев // Русские ведомости. 1883. № 71—73.

⁴⁵ Ковалевский М. М. Моя жизнь, л. 334.

лософия, право, учреждения — одинаково участвуют в его образовании. Определить значение каждого из этих моментов, управление, в котором они действуют, и степень их влияния — таков первый шаг к правильному пониманию той духовной силы, которая приводит в действие правительственную машину, которой лучшая конституция есть не более как мертвый механизм». — утверждал он⁴⁶.

Рассказывая о наиболее поразивших его особенностях американской общественной жизни, М. М. Ковалевский прежде всего обратил внимание аудитории на «отсутствие у них ходячих в Европе убеждений и предрассудков о благородстве и благородстве того или другого происхождения, владения и занятия. Большинство из нас видят в дворянском происхождении и титуле нечто, дающее право на преимущественный почет и налагающее в то же время известные обязанности ... Нигде в меньшей мере, чем в Америке, человек не стеснен традицией и не чувствует себя более свободным в своей личной деятельности», — говорил он слушателям (№ 71. С. 1). Сравнительно широкие возможности перемены профессии, выбор которой определяется исключительно ее доходностью и личными возможностями индивида, и таким образом — смены социальной среды, — являются, по мнению Ковалевского, причиной того, что в Америке отсутствует — в отличие от Европы — резкая классовая дифференциация (№ 71. С. 1).

Подчеркивая свободу американцев в выборе занятий, М. М. Ковалевский вместе с тем отмечал консерватизм господствующих в обществе этических норм, большую зависимость образа жизни от существующего общественного мнения и традиций пуританской морали. «Никто больше его (американца. — А. С.) не связан раз навсегда установленными учреждениями, религией, ходячими нравственными и общественными представлениями», — говорил он, объясняя этот факт духовными, культурными, географическими и демографическими условиями, при которых проходило заселение европейцами Американского материка (№ 71. С. 2).

Политические и гражданские права американцев обеспечиваются федеральной конституцией, также отразившей особенности национального характера, продолжал М. М. Ковалевский, переходя к политико-государственному устройству заокеанской страны. Здесь всякий совершеннолетний мужчина, достигший 21 года, имеет право избирать и быть выбранным на государственные должности, которые одинаково открыты для всех (№ 72. С. 2). Горячему стороннику конституционно-парламентского строя и

⁴⁶ Ковалевский М. М. Национальный характер североамериканцев // Русские ведомости. 1883. № 71. С. 1. Далее ссылки на газету приводятся в тексте. Конечно, этот вывод М. М. Ковалевского далеко не бесспорен. Нужно отметить, впрочем, что проблема национальной психологии и ее роли в жизни общества по настоящее время вызывает интерес ученых-обществоведов. См. об этом, например: Кон И. С. Национальный характер — миф или реальность? // Иностранная литература. 1968. № 9. С. 215; Козлов В. П., Шелестов Г. В. «Национальный характер» и проблемы его исследования // Советская этнография. 1973. № 2. С. 69; и другие работы.

гражданского равноправия всегда было «трудно примирить само-
державие с самоуправлением»⁴⁷. И в лекции с помощью аллю-
зий, эзоповым языком он пытался выразить свое негативное от-
ношение к российскому абсолютизму, его политическим и
общественным порядкам, обходя (а возможно, игнорируя) анти-
демократические аспекты основного закона США, принятого пра-
вляющими кругами прежде всего в интересах крупных собствен-
ников.

Обращаясь затем к причинам быстрого экономического про-
гресса Америки, М. М. Ковалевский находил их истоки в ничем
не стесненной свободе частного предпринимательства, лишенной
каких бы то ни было сословных ограничений, которая, в свою
очередь, зиждется на принципе индивидуализма, получившем
здесь широкое развитие. «Экономическое величие Соединенных
Штатов возникло на почве индивидуализма», — констатировал он
(№ 72. С. 2). Исторически обусловленный «индивидуализм про-
никает все сферы права... в общественной жизни то же господство
индивидуальных интересов над интересами общности... Пре-
следование личных интересов если не в ущерб общественным, то
при полном индифферентизме к ним, есть в Америке одно из прав
человека на уважение ближних. ...При таких воззрениях немудре-
но, если лучшие силы страны заняты личным делом наживы и
политическая деятельность сосредоточивается в руках далеко не
первостепенных по таланту людей, которые, в свою очередь, смот-
рят на нее в значительной степени как на свое личное дело, как
на средство к жизни» (№ 72. С. 1).

Об этой же стороне американской общественно-политической
жизни М. М. Ковалевский еще ранее, находясь в США, писал
В. Ф. Миллеру: «В Вашингтоне я несколько раз был в конгрес-
се... перезнакомился со многими из депутатов и, за двумя-тремя
исключениями, нашел их неизмеримо ниже среднего уровня в
любой из европейских палат ... Посредственность господствует.
Посредственность и непорядочность»⁴⁸.

Американские политические выборы и «раздел добычи» между
членами победившей на президентских выборах партии вызывали
у М. М. Ковалевского негативное отношение на протяжении всей
его жизни⁴⁹. Остановился на этом он и в своей лекции: «... В Аме-
рике замена одной партии другою у кормила правления имеет
своим последствием принудительную отставку сотен и тысяч. Пра-

⁴⁷ Ковалевский М. М. Очерки по истории политических учреждений Рос-
сии. СПб., [1904]. С. 174.

⁴⁸ Государственный Исторический музей, Отдел письменных источников,
ф. 451, д. 4, л. 106.

⁴⁹ См., например, статью об особенностях американского политического
строения: Ковалевский М. М. Северо-Американские Соединенные Штаты // Политический строй современных государств. СПб., 1905. Т. 1. С. 385–388; Он же. От прямого народовластия к представительному и от патриар-
хальной монархии к парламентаризму. М., 1906. Т. 1. С. 18; см. также: Ковалевский М. М. Моя жизнь, л. 388–389.

вило: удались, чтобы я мог занять твое место, нигде не высказывается с такой цинической откровенностью, как в Америке. Торжество той или другой партии каждый раз сопровождается разделом добычи, а такой добычей служат публичные должностные» (№ 73. С. 2).

Решение национального вопроса в такой этнически пестрой стране, как США,— еще одна грань интереса М. М. Ковалевского к республике по ту сторону Атлантического океана. В XIX в. национальный вопрос становится одной из главных проблем политической жизни Европы, писал он в 1885 г.⁵⁰ Искусственно составленная политическая карта Европы не учитывает, по мнению М. М. Ковалевского, этнических и культурно-исторических особенностей отдельных национальностей, и в этом «причина настоящих и будущих международных несогласий» и перемен, продиктованных стремлением зависимых народностей к свободе самоопределения, замечал М. М. Ковалевский (с. 696). «Посмотрим теперь,— продолжал он,— в какой мере национальный вопрос может считаться жизненным вопросом и для Нового Света, является ли американская жизнь не более как продолжением европейской, с ее национальной ненавистью и враждой, или же она по праву может считаться осуществлением заветных идеалов европейского космополитизма» (с. 696).

Опираясь на фактический материал, М. М. Ковалевский приходит к выводу, что формирование молодого государства в существовавших условиях (огромное число эмигрантов из различных стран, свобода передвижения по обширной территории, своеобразные географический, социально-экономический и политический факторы, прочная «англо-американская культура», зародившаяся в приатлантических штатах с началом английской колонизации) шло одновременно с процессом складывания новой нации — американцев. Вошедшие в нее представители различных народов, теряя присущих им особенностей, обогатили ее своим вкладом в развитие общей новой культуры, в основе которой лежал американский источник (с. 711—714). Что касается языка, то практические цели торговли, медицины, судопроизводства сами привели к тому, что общим языком стал наиболее распространенный — английский (с. 709—710).

М. М. Ковалевский обращался к опыту американской республики прежде всего в связи с российскими национальными проблемами, созданными политикой подавления национальных культур и языков так называемых «иностранцев», ограничения их гражданских и политических прав. Об этом с исчерпывающей полнотой говорил сам М. М. Ковалевский в остро-публицистической брошюре, изданной в годы первой русской революции. «Меня,— писал он,— мучительно беспокоил этот вопрос об отношении русского

⁵⁰ См.: Ковалевский М. М. Национальный вопрос в Старом и Новом Свете // Вестн. Европы. 1885. № 6. С. 677 и др. Далее ссылки на статью даются в тексте.

правительства к иноземным народностям и вероисповеданиям во время моих двух поездок в Северные Штаты Америки»⁵¹.

В отличие от национальных расовые отношения в США, вражда и неприязнь белого населения к представителям других рас неприятно поразили М. М. Ковалевского, вызвав у него ряд симпатических и критических замечаний. Расовый вопрос и по настоящее время остается одной из сложных проблем американской жизни, отмечал он в рассматриваемой статье (с. 715). «Факт совершенной обособленности в Америке отдельных рас» объяснял М. М. Ковалевским как результат несхожества и взаимотридания господствующей европейской и «туземных» культур — индейской, негритянской и азиатской (с. 715—716 и далее). Истинный межрасового антагонизма, утверждал он, следует видеть «в том отсутствии взаимного понимания, в той неспособности слияния и ассимилирования их, которая обуславливает собою вообще то недоброжелательство, какое белое население Соединенных Штатов питает по отношению ко всему цветному» (с. 729).

«Уезжая из Америки,— писал в заключение М. М. Ковалевский,— я вынес то глубокое убеждение, что почва Нового Света призвана быть ареной одной европейской культуры... Им (белым американцам.— А. С.) совершенно не достаёт способности понимания иных общественных и политических идеалов; а с непониманием связывается предубеждение и ненависть.— ненависть, делающая совершенно немыслимой, по крайней мере в ближайшем будущем, мирное сожительство их на правах граждан одного государства с народностями, разными с ними по крови и вере, а также по выработанным историей нравственным устоям» (с. 731). На этой критической ноте русский ученый заканчивает свою статью.

■

Таковы впечатления от американской действительности, вынесенные М. М. Ковалевским из поездки в США. Путешествие раздвинуло научный горизонт молодого ученого, обогатило его знакомством с новыми идеями и людьми, иным (нежели в Европе) социальным и политическим укладом жизни. Здесь он воочию мог увидеть многие как положительные, так и негативные стороны американской республики, опыт развития которой рассматривался им сквозь призму отечественных проблем и задач, стоявших в ту пору перед русским обществом. Об этом свидетельствуют написанные после возвращения статьи и книги⁵². Об

⁵¹ Ковалевский М. М. Национальный вопрос и равенство подданных перед законом. Варшава, 1906. С. 5.

⁵² Помимо указанных работ, посвященных Соединенным Штатам, см.: Ковалевский М. М. Происхождение современной демократии. М., 1895. Т. 1, ч. 4. М. М. Ковалевский намеревался посвятить истории развития американских государственных институтов отдельную книгу в этом многолетнем исследовании. К сожалению, намерение это осталось неосуществленным. См.: Материалы для биографического словаря... Ч. 2. С. 316;

этом же говорит и практическая деятельность профессора на протяжении последующих лет. Читая наряду с лекциями о государственном праве европейских держав специальные курсы и публичные лекции о политическом и общественном устройстве далекой страны, давая аудитории обильный материал для сопоставлений и раздумий, он вольно или невольно воспитывал у слушателей критическое отношение к царившим в России порядкам, что и послужило в 1887 г. причиной его изгнания из состава профессоров Московского университета с лишением права преподавания в высших учебных заведениях России⁵³.

Главную роль в этом сыграла царская охранка. Из архивных материалов департамента полиции видно, что она держала М. М. Ковалевского в поле зрения более четверти века — с 1877 по 1905 г.⁵⁴. Так, в декабре 1880 г. в результате ставшего известным полиции частного письма с обвинениями в неблагонадежности в адрес Ковалевского им заинтересовался Александр II, которому и была представлена специальная записка департамента полиции о личности и политическом настроении молодого ученого⁵⁵.

В ноябре 1882 г. вследствие перехваченного письма М. М. Ковалевского И. С. Тургеневу в Париж он вновь привлекает к себе внимание государственной полиции «ввиду возникших сомнений относительно (его. — А. С.) политической благонадежности»⁵⁶. На него заводится специальное дело, где в одном из документов отмечается, что «Ковалевский, по собранным негласным путем сведениям, придерживается конституционного образа мыслей»⁵⁷. Такой «образ мыслей» для охранки был уже непростительным «вольтерьянством», и с этого времени Максим Максимович постоянно находился у нее на заметке. Когда в 1886 г. агентурные наблюдатели сообщили в департамент полиции, что «профессор Ковалевский продолжает выставлять в своих лекциях в самом мрачном свете существующий государственный порядок и глумиться над новым университетским Уставом ...»⁵⁸, дело об его устранении из университета было решено. 8 июня 1887 г. министр народного просвещения И. Д. Делянов уведомил университетское начальство, что профессор М. М. Ковалевский «уволен без прошения»⁵⁹.

Высоко в целом оценивая достижения американской буржуазной демократии, М. М. Ковалевский был достаточно снисходителен к ее противоречиям и проблемам, которые значительно рез-

Ковалевский М. М. Моя жизнь, л. 385–386; *Russian Review*. 1951. Vol. 10, N 3. P. 182.

⁵³ См. об этом: М. М. Ковалевский — ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. С. 27–28.

⁵⁴ ЦГАОР СССР, ф. 102, 3 дел-во, 1892 г., оп. 90, д. 796.

⁵⁵ Там же, л. 1–2, 336.

⁵⁶ Там же, 1882 г., оп. 78, д. 772, л. 1–2.

⁵⁷ Там же, 1892 г., оп. 90, д. 796, л. 2–2 об.

⁵⁸ Там же, л. 2 об.

⁵⁹ Там же, л. 3 об.

че критиковались такими его современниками и предшественниками, как Н. Г. Чернышевский, М. А. Бакунин, П. Л. Лавров, Д. И. Менделеев, В. Г. Короленко — в России; Э. По, Г. Лонгфелло, У. Уитмен, М. Твен — в Соединенных Штатах. В этом роде оптимистические надежды сохранялись у М. М. Ковалевского и через два десятилетия после первого знакомства с Америкой. Отмечая в мемуарах, написанных в 1914 г., продажность и коррумпированность американского политического механизма, «безнравственность политической жизни» США, он тем не менее выражал уверенность, что здоровые силы американского народа сумеют преодолеть это негативное явление⁶⁰.

В этих оценках и надеждах отразились убеждения сознательного (хотя и несколько нетипичного) сторонника оппозиционно-либерального лагеря русской интеллигенции. Испытав влияние К. Маркса на формирование своих научных интересов, М. М. Ковалевский тем не менее в общественно-политической деятельности и социальных воззрениях стоял на позициях конституционно-реформистской идеологии, находя этот путь единственно целесообразным в условиях России.

Этими убеждениями определялись его взгляды и на американскую действительность, и на идеи буржуазной демократии, пропаганда которых вносила свою лепту в борьбу прогрессивных сил против российского абсолютизма, будоражила сознание соотечественников, заставляя их задумываться о судьбах страны⁶¹. В сущности, это и было главным содержанием американской темы русского ученого. Работы и деятельность М. М. Ковалевского в рассмотренном нами аспекте наглядно подтверждают этот вывод.

⁶⁰ Ковалевский М. М. Моя жизнь, л. 388—389.

⁶¹ «Лекции его всегда были источником глубокого идейного возбуждения», — отмечал один из современников М. М. Ковалевского (см.: *Магистер Я. М. Политическая идея М. М. Ковалевского в связи с характеристикою его личности*. Пг., 1917. С. 17). В гектографированном каталоге книг, изъятом царской полицией в 1883 г. у революционно настроенной молодежи, значились и работы М. М. Ковалевского. См.: ЦГИА СССР. Ф. 1410, оп. 1, 1883 г., д. 420, л. 21 об.